

СОТРИ СВОЕ ИМЯ

Моя ночь неотразима – она умеет молчать и прячет дневные пошлости в рваных карманах просторной зимы. Я рассматриваю двухсотлетние комиксы, проваливаясь в каждый лист, как в яму. Это Гойя.

Юность бессмысленна и безлика, она как белый лист, на котором каждый может писать свое. Потому она так притягательна – в ней всегда остается надежда. Юность – это тщательно отделанные оборочки на платье да пустая гладь красивого лица. Опыт биографичен, уродлив и обстоятелен, он притягивает взгляд и пестрит кривыми деталями.

Капричос хорошо бы улеглись на своды эскалаторов метро. Сумасшедшие бегучие линии, бешеная пляска штрихов на белом и бездонном вполне знакомы глазу по желтой ночной вьюге. Впечатываясь в образ зрения помимо дневного сознания, они способны уводить толпы за пределы этого мира. Фантазии опасны для шаткой материальности. Надежная гладкость плоскостей, защитительная прямоугольность с младенчества привязывает к материи и не дает ускользнуть. Квадрат так надежен.

Квадрата нет в природе. Есть неверная гладкость воды, исчезающие круги, ломающиеся линии. Прямоугольность – позднее заблуждение напуганного до потери памяти ума. Общеизвестным трусоватым стенам предшествовал камень в некоем пункте пространства, где все было иначе.

Соединенность: *re-ligio*. Сделай шаг – и ты в другом месте. Алтарь, святилище, священная гора, ось миров – началом было неназываемое нечто и знак в фокусной точке. Он связывал, а не разделял. Соблазн определить свои пределы, однако, оказался слишком силен.

(Не тот ли соблазн выводит подпись автора под удачной строкой. Всего лишь желание отделить себя. Платой становится неустранимость последнего из этого мира.)

Границы превращались в неизбежность. В картину включались: звезды, рельеф, растения. Пышно множился лес колонн вокруг обездвиженного алтаря. Мистические знаки соединения миров тихо перерождались в банальные отражения видимой материи. Тема связи как-то ускользала. Взамен воцарялась стена во всей своей торжествующей безысходности.

И вот мы здесь. Зажатые перфорированными плоскостями безжалостных стен, прибитые ненавистными потолками, измученные лишенными тайн предметами.

Но снова возвращается декабрь в своем желтом ночном безумии – путаница ветвей, метель, качающийся свет. Снег прячет стены и стирает лица, и зимний зыбкий город вновь соединяет миры: уйти, вернуться, превратиться в штрих.

Анна Хоси